

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.344.3

ИДЕИ ПРИМОРДИАЛИЗМА И КОНСТРУКТИВИЗМА В РАБОТАХ П. А. СОРОКИНА

В. И. Бегинин, Х. Б. Тадтаев

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, Tadtaew@yandex.ru

При анализе национально-этнических проблем обращение к идеям П. А. Сорокина столетней давности представляется оправданным и необходимым. Отвергая биологический подход к анализу этнонации, он не отвергает ее объективного бытия. Определение этнонации предполагает указание наиболее существенных признаков, но отсутствие одного или нескольких признаков не лишает понятия «этнонация» смысла в конкретных исторических и географических условиях.

Ключевые слова: этнос, нация, этнонация, раса, примордиализм, конструктивизм.

Ideas of Primordialism and Constructivism in the Works of P. A. Sorokin

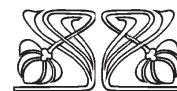
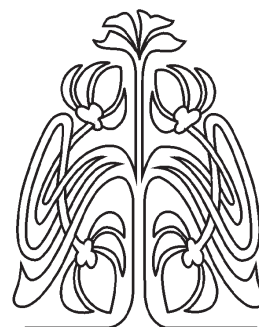
V. I. Beginin, H. B. Tadtaev

When analyzing national and ethnic problems our appeal to P. Sorokin's ideas of a hundred years ago seems to be justified and necessary. Rejecting biological approach to the analysis of ethnic nation, it does not reject its objective existence. Definition of ethnic nation suggests enumeration of its most essential features, but lack of one or several features does not deprive the concept of «ethnic nation» of its meaning in specific historical and geographical background.

Key words: ethnicity, nation, ethnic nation, race, primordialism, constructivism.

Работы и идеи П. Сорокина в последние два десятилетия не просто востребованы в России, но и подвергаются определенной «фетишизации». Родина как бы искупает вину перед великим мыслителем за вынужденную пожизненную эмиграцию и замалчивание его работ в течение многих десятилетий. Это замечательное явление, но чрезмерно однолинейное, поскольку, обращаясь к работам мыслителя чаще, отмечается их «раритетный» характер и редко (или чрезмерно редко) показывается их современная актуальность в функциональном плане. Между тем идеи П. Сорокина могут иметь огромное методологическое значение и в наше время. Это относится, в частности, к национально-этнической проблематике. Отечественные (и не только отечественные) исследователи данной проблематики в последние два десятилетия дифференцировались на две парадигмы: эссенциалисты (примордиалисты) и конструктивисты (постмодернисты). Наличие различных точек зрения – факт, несомненно, позитивный, но тревогу вызывает то, что эффективность многих талантливых исследований снижается вследствие многих факторов. И главным в этом ряду представляется, прежде всего, непримиримая позиция исследователей. Дискуссия последних лет при анализе этнических проблем часто напоминает судебный процесс, где оппоненту даются самые негативные, а порой оскорбительные характеристики: отсутствие патриотизма и принципиальности, научная недееспособность и т. д. С углублением дискуссии точки зрения не только не сближаются, но становятся все более непримиримыми, а позитивный сдвиг в обозримом будущем представляется маловероятным.

Очень большой резонанс (положительный у эссенциалистов и, вполне естественно, отрицательный у конструктивистов) получила работа С. Е. Рыбакова «Философия этноса»¹. Он уверен, что отдель-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ные характеристики, какими бы существенными они не представлялись, не исчерпывают сущности этноса. С. Е. Рыбакова не удовлетворяет, прежде всего, ставшее в отечественной науке хрестоматийным определение этноса. Согласно этому определению, «этнос, или этническая общность, есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, но сознают как свою общность, так и своё отличие от членов других таких же этнических групп»². Он уверен, что этническое нельзя зафиксировать исключительно через язык, культуру, психологию и другие внешние эмпирически данные маркеры. «Главное, – утверждает С. Е. Рыбаков, – что члены этноса считают себя родственниками, чувствуют себя родственниками и ведут себя как родственники, в чем и заключается феномен этничности – результат субъективного (бессознательного и сознательного) усвоения в течение жизни каждым членом этноса объективной примордиальной данности аргіогі»³. Слабая аргументированность подобного вывода более чем очевидна. Однако мифичность «кровного» родства и невозможность биологизаторского истолкования этноса не может служить основанием для отрицания объективного бытия этноса.

Волевым стремлением к отрицанию объективного бытия этноса конструктивистами, наряду со множеством других факторов, на наш взгляд, объясняется «запалом» противостояния примордиализму, неприятием биологизаторского истолкования этноса. Большой интерес в этой связи вызвала фундаментальная работа В. А. Тишкова «Реквием по этносу». Исследование В. А. Тишкова, несомненно, является новым важным шагом в осмыслении кризисных процессов, происходящих не только в России, но и в мире в целом. Хотя, вопреки наименованию работы «Реквием по этносу», в некоторых разделах исследования провозглашается «За здравие» этносу⁴, но в конечном итоге утверждается, что этносов в реальности нет и быть не может.

Мифологизация и мистификация различных сфер этничности неприемлемы, но однозначно неприемлемо и отрицание этничности. В этой связи весьма уместно обратиться к идеям П. Сорокина столетней давности, но не потерявших своей актуальности и научной новизны. Он категорически отвергал биологизаторство этнонации: «В наше время чистота крови сохраняется разве только на конских заводах, выводящих “чистокровных” жеребцов, да и в хлевах йоркширских свиней, да и там, кажется, не этим “расовым” признаком обуславливается “симпатия” одного коня к другому. В мире же людей указываемый признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен»⁵. Отвергая биологизаторский подход к этнонации, П. Сорокин не отвергает объективного бытия этнонации, т. е. не

становится конструктивистом. На вопрос, существуют ли в реальности этнонации, он отвечает однозначно: «...да, конечно, существуют, но связь, объединяющая их, или язык, или религия, или общие исторические воспоминания и т. д., то есть одна из вышеуказанных связей, сама по себе не достаточна для установления и кристаллизации национальности»⁶. П. Сорокин при определении этнонации занимает гибкую, реалистическую позицию.

При определении этнонации возникает необходимость в указании наиболее существенных признаков, необходимых для формирования этнонациональной общности. Однако отсутствие одного или нескольких признаков, какими бы существенными они не представлялись, не лишает понятия «этнонация» смысла. Значимость различных признаков весьма относительно исторически и географически.

Анализ отечественной литературы как советского, так и постсоветского периода показывает, что при определении этнической общности одним из главных факторов считается общность языка. Значимость данного фактора очевидна, но не всегда убедительна. Немцы и большинство швейцарцев (65%), австрийцы и люксембуржцы говорят на немецком языке, но принадлежат к различным этносам. Нельзя не согласиться с утверждением П. Сорокина, что «на почве одного языка нельзя построить здание национальности»⁷. Общность языка не всегда означает принадлежность к одному этносу.

С другой стороны, как это ни парадоксально, внутри одного этноса могут функционировать несколько языков (именно языков, а не наречий).

Наличие нескольких языков внутри одного этноса – хотя и не распространенное, но и не редкое исключение. Так, наряду с ирландским этносом многоязычие присуще и грузинскому этносу. Вместе с литературным грузинским языком и множеством диалектов и наречий функционируют также бесписьменные языки: мегрельский (мингрельский, иверский), распадающийся в свою очередь на два диалекта – зугдидско-самурзаканский и сенакский, и сванский. Все они относятся к картвельской группе кавказских (иберийско-кавказских) языков, но, тем не менее, речь идет о различных самостоятельных языках. Несмотря на языковые различия, мегрелы и сваны, как и другие этнические группы грузин, однозначно причисляют себя к грузинскому этносу. Наличие различных языков не препятствует самоидентификации этнической общности.

Можно ли на основании приведенных примеров сделать вывод, что общность языка не является необходимым фактором при определении этнической общности? Такой вывод вряд ли можно назвать аргументированным на основании отдельных примеров. Для большинства наций наличие общего языка характерно. Поли-

язычность этноса – исключение, но не правило. Однако перечисленные примеры все же дают возможность для следующего заключения: общность языка – одно из важнейших условий этнической общности, но не всегда главный или даже один из главных факторов.

Тем не менее в отечественной научной и публицистической литературе при определении этнонации общность языка часто ставится на первое место. Так, Д. Павлычко, анализируя проблемы государственного языка и духовного творчества народа, писал, что «народ объединяет физическая территория и духовное пространство. Утратив территорию, он все же может сохраниться как общность. Потеряв язык, свою духовную землю, народ перестает существовать, он распадается. Агония может длиться десятилетиями, наполняя атмосферу миазмами аморальности, вырождения духовности, отравляя все окружающее»⁸. Автор употребляет весьма сильные выражения, рисуя почти апокалиптическую картину. Нельзя не согласиться с Д. Павлычко в том смысле, что потеря языка большей частью связана с изменением этнической принадлежности.

Однако история помнит и ситуации противоположного характера, когда потеря национального языка не порождала этнической переориентации. В XII в. началось завоевание Ирландии Англией, и к XVII в. Ирландия была полностью порабощена. Английский язык насаждался среди населения, и хотя ирландцы упорно отстаивали свою национальную культуру и язык, английский язык завоевал господствующее положение в стране. С приобретением Ирландией независимости (1937 г.) ирландский язык наряду с английским объявляется государственным, но все же большинство населения им не владеет. Родным языком большинства ирландцев является английский. Однако незнание ирландского языка не стало помехой четкому ощущению и осознанию своей принадлежности к ирландскому этносу.

Пример ирландцев, когда потеря родного языка не ведет к этнической переориентации, не является крайне редким исключением. Так, согласно Всероссийской переписи населения, в России 230 тыс. граждан объявили себя принадлежащими к еврейскому этносу, хотя еврейскими языками (идиш или иврит) владели лишь 14,2%. Подавляющее число евреев СССР (83,7%) не владели еврейскими языками, но самоидентифицировали себя с еврейским этносом, для них критерием принадлежности к этносу язык не является. Почти аналогичное положение сложилось и у греков, населявших бывший СССР: из 344 тыс. греков родным языком владели лишь 38%, но и остальные греки также сохранили свое национальное самосознание.

На наш взгляд, не стоит преуменьшать фактор языка при определении этноса. И все же при анализе отечественной и зарубежной литературы по данной проблеме создается впечатление, что в

первом случае фактору языка придается большее значение, чем во втором. Объяснить подобную традицию трудно, если вообще возможно. Здесь придется обратиться к множеству исторических факторов.

В формировании данной традиции, когда общность языка рассматривается как главный признак при определении этнонации, не последнюю роль сыграла работа И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Эта работа впервые была напечатана в журнале «Просвещение» за 1913 г. и с тех пор переиздавалась десятки раз. В нашу задачу не входит анализ достоинств и недостатков работы И. В. Сталина, но необходимо отметить, что еще до прихода к власти автора она считалась непревзойденной.

И. В. Сталин писал: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁹. В 1960-х гг., когда основополагающие теоретические работы бывшего вождя подвергались «дружной» критике, изменилось отношение и к «Марксизму и национальному вопросу». Но, критикуя отдельные положения данной работы, истинность основных признаков нации не подвергалась сомнению. Определение нации, данное И. В. Сталиным, стало в отечественной литературе классическим, общепринятым.

Анализируя соотношение различных признаков нации, И. В. Сталин отмечал, что «не существует никакого единственно отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе»¹⁰. Декларируя равнозначность и необходимость одновременного наличия всех признаков, вместе с тем язык всегда ставят на первое место. То есть язык рассматривается как самое существенное из всех «равных» признаков. И такое отношение к значимости языка стало традицией в отечественной литературе. Ни в коем случае не подвергая сомнению значение языка для этноса, отметим, что имеются реальные факты, когда этнос существует без общности языка. Такое утверждение, на первый взгляд, кажется несуразным, но не потому, что противоречит реальности, а потому, что противоречит сложившейся научно-литературной традиции.

При определенных условиях, как было сказано выше, двуязычие (ирландцы) и даже полиязычие (евреи, греки, грузины) не являются препятствием для этнической общности.

Итак, наличие общего национального языка не всегда является обязательным условием этнической общности. Но общность языка также не всегда предполагает этническую общность.

С началом «этнического ренессанса» и пробуждением национального самосознания, пересмотром сложившихся стереотипов в конце 1980-х гг. в бывшем СССР пробуждается стремление по-новому оценить сущность этнонации. При этом в процессе анализа диалектики различных признаков этноса часто доминирующим признается значимость особенностей характера, хотя и не отрицается роль других факторов.

Так, доктор исторических наук В. П. Ступишин писал, что «народ с национальным характером – это и есть нация, которая наследует от первобытных и последующих промежуточных состояний язык, обычаи, духовный склад, экономическое единство и, конечно же, территорию – ведь на ней только и может осуществляться его способность стать нацией, т. е. народом, организованным в государство»¹¹. Единственным признаком этнонации в данном случае признается характер, все остальные рассматриваются как условия развития этноса, а не как необходимые признаки этноса. В определенном смысле В. П. Ступишин возвращается к точке зрения О. Бауэра, против которой так категорично выступил И. В. Сталин. Насколько такая позиция соответствует реальному процессу развития национально-этнических общностей? Действительно ли определяющим признаком общности этноса является характер, как утверждает Ступишин, или общность языка, согласно утверждению Павлычко? Вряд ли – за отсутствием четких, общепризнанных критериев – на подобные вопросы можно дать однозначный ответ.

Значимость таких этнических признаков, как язык, культура, национальный характер, варьируется в зависимости от конкретных исторических и общественно-политических условий. Причем в одних условиях доминирует значение языка, в других – черт характера, в третьих – культуры и т. д.

При анализе проблем этноса возникает вопрос: является ли этническая принадлежность фактором антропологическим, врожденным или же формируется в процессе становления личности в зависимости от окружающей социальной действительности? В отечественной научной литературе мнения по данной проблеме часто диаметрально расходятся. Так, А. Г. Здравомыслов при анализе этничности отмечает, что «национальную (этническую. – *Авт.*) принадлежность не выбирают, она дается человеку вместе с рождением, и, следовательно, нет оснований ни стыдиться своей национальной принадлежности, ни гордиться ею»¹². С утверждением, что национально-этническую принадлежность не выбирают, невозможно не согласиться. Младенец не выбирает, в какое время и в какой этнической среде родиться. Однако этническая принадлежность его родителей не всегда предопределяет его будущую этническую принадлежность. Формирование этничности зависит всегда

от конкретной и всегда специфической особенности социальной среды. Достаточно внимательно проанализировать данные последней (2002 г.) Всероссийской переписи населения, чтобы убедиться – дети, родившиеся некогда в моноэтнической семье, часто не наследуют этническую принадлежность своих родителей. Мы сознательно игнорируем в данном случае акты усыновления, когда приемные родители принадлежат к другому этносу. У ребенка «в процессе социализации, – пишет Ю. И. Семенов, – формируется не просто даже сознание, а чувство этнической принадлежности. А чувства, как известно, возникнув, уже не зависят от сознания и воли людей, хотя со временем могут меняться»¹³.

Этничность невозможно объяснить кровной или генной общностью. Этническая принадлежность – не антропологический фактор. Однако, сформировавшись в определенных социальных условиях, личность не может в будущем произвольно менять этническую самоидентификацию. Этническая переориентация не исключается, но это долгий и сложный процесс.

Значимость этнической идентичности среди других форм идентификации (религия, гражданская принадлежность, социальный класс, раса, профессия и т. д.) может существенно варьироваться в зависимости от конкретных социально-исторических реальностей. В определенных условиях она может быть даже доминирующей. В этой связи нам представляется некорректной постановка вопроса В. А. Тишковым: «... если этническая принадлежность столь фундаментальна, формируется почти в младенчестве и сама по себе не должна подвергаться воздействиям, кроме признания и уважения, тогда почему подавляющее большинство людей в мире и значительная часть россиян не знают, что такое “национальность” в ее этническом смысле?»¹⁴. Как известно, чай с сахаром пьют во всем мире, но большинство людей не имеют представления о химической формуле сахара, хотя знают, что такое сахар. Наряду и одновременно с научным познанием существует вненаучное обыденное практическое познание, и они не тождественны. Неспособность большинства людей дать точную дефиницию этнонации не лишает их определенной этнической принадлежности и не является признаком деэтнизации или исчезновения этносов.

Наличие этносов предполагает этническое самосознание, осознание своей принадлежности к определенному этносу и восприятие, осознание других этносов как чужих (именно чужих, а не враждебных). Этническая самоидентификация является важным фактором, но в исключительных случаях оказывается не востребуемой. У конкретного человека в определенных условиях этническая самоидентификация может расщепляться между «несколькими конкурирующими этническими идентификациями»¹⁵. Такое явление характерно для людей, имеющих родителей,

принадлежащих к разным этносам или формирующихся в этнической среде, к которой не принадлежат их родители. Не является редкостью определенное «равновесие» между осознанием принадлежности к этносу или субэтносу.

Невозможно представить этнос без определенного этнонима – названия этноса, которое воспринимается всеми или большинством представителей данного этноса. Однако и этот фактор не всегда востребован. Так, самоназвание грузин – картвели, однако в узком смысле картвели – это этноним лишь части грузин – картлийцев, но не гурийцев, хевсуров, мингрельцев и т. д. В данном случае этноним одного субэтноса стал этнонимом всего этноса (или становится таковым). Невозможно игнорировать тот факт, что самоназвание этноса часто не совпадает с названиями, которыми его наделяют другие этносы. Самоназвание грузин – картвели, но русские именуют их грузинами, осетины – гуырдзиаг, англичане – georgians и т. д.

В любом случае этнос невозможно определить через перечень объективных и субъективных факторов, какими бы существенными они ни представлялись. Такая попытка означает надевание «смирительной рубашки» на процесс этногенеза и на сами этнонации. С содержательной точки зрения формирование любого этноса уникально и неповторимо. В то же время уникальность и неповторимость не исключает, а предполагает выявление того типичного, характерного, что присуще всем или большинству этносов.

УДК 316.334+929.5

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ О ЗНАЧЕНИИ ГЕНЕАЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В. А. Климов

Саратовский государственный университет
E-mail: Klimov-VA1946@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды П. А. Флоренского (1882–1937) на роль генеалогии в жизни общества. Особое внимание уделяется воспитательной функции генеалогии.

Ключевые слова: П. А. Флоренский, генеалогия, традиция, семья, воспитание.

P. A. Florensky on the Importance of Genealogy in Social Life

V. A. Klimov

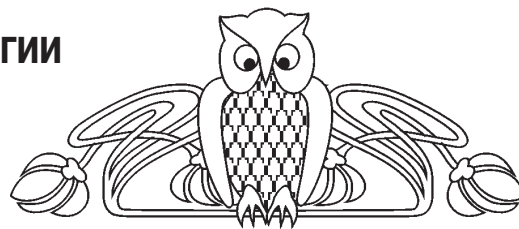
The article deals with P. A. Florensky's (1882–1937) views on the role of genealogy in society. The educative function of genealogy is paid peculiar attention.

Key words: P. A. Florensky, genealogy, tradition, family, upbringing and education.

Начало XX в. в России – это эпоха необычайного духовного подъема, творческих исканий

Примечания

- ¹ Рыбаков С. Е. *Философия этноса*. М., 2001.
- ² Чебоксаров Н. Н. *Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины*. М., 1997. С. 29.
- ³ Рыбаков С. Е. *Этничность и этнос // Этнографическое обозрение*. 2003. № 3. С. 20.
- ⁴ Тишков В. А. *Реквием по этносу*. М., 2003. С. 60.
- ⁵ Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация, общество*. М., 1992. С. 245.
- ⁶ Там же. С. 248.
- ⁷ Там же. С. 247.
- ⁸ Павлычко Д. *Государственный язык и духовное творчество народа // Дружба народов*. 1989. № 6. С. 222.
- ⁹ Сталин И. В. *Соч.* : в 16 т. Т. 2. М., 1954. С. 296.
- ¹⁰ Там же. С. 301.
- ¹¹ Ступишин В. П. *Самоопределение народов : традиции и действующее право // Общественные науки и современность*. 1994. № 2. С. 110.
- ¹² Здравомыслов А. Г. *Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Б. Олкотт, И. Семенова ; Московский центр Карнеги*. М., 2001. С. 41.
- ¹³ Семенов Ю. И. *Торопиться с зауспокойной молитвой по этносу вряд ли стоит // Философия и общество*. 2006. № 2. С. 101.
- ¹⁴ Тишков В. А. *О культурном многообразии // Этнографическое обозрение*. 2005. № 1. С. 5.
- ¹⁵ Семенов Ю. И. *Указ. соч.* С. 100.

и открытый в философии, литературе, искусстве. Н. А. Бердяев с полным основанием назвал эту эпоху «настоящим культурным ренессансом». «Только жившие в это время, – писал он, – знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое веяние духа охватило русские души. Россия пережила расцвет поэзии и философии, пережила напряженные религиозные искания, мистические и оккультные настроения»¹. Все эти веяния и настроения отразились в творчестве Павла Александровича Флоренского (1882–1937) – ученого, философа, священнослужителя.

Личность Флоренского, писал историк русской философии Н. О. Лосский, поражает разнообразием дарований. В своей творческой деятельности Флоренский «проявляет сверхчеловеческую эрудицию: не только в области богословия и философии он у себя дома; на помощь